

Фролова Кира Владимировна

кандидат исторических наук

Центральный государственный архив Самарской области

**БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1914 – начало 1920-х гг.)**

Войны и революции всегда оказывали решающее влияние на демографические процессы. Первая мировая война стала испытанием для многонациональной Российской империи и ее жителей. Впервые в истории России правительством была организована массовая эвакуация мирного населения из западных областей государства, оккупированных противником, и из прифронтовых зон. Несколько миллионов человек покинули родину и нашли приют во внутренних губерниях страны. Так началась история русского беженства Первой мировой войны. Эвакуация заняла всего несколько месяцев, а вот возвращение домой растянулось на 7 лет. В период Революции и в годы Гражданской войны беженцам пришлось испытать на себе все невзгоды, с которыми столкнулось русское общество, даже в большей степени, чем населению коренных территорий, ведь они были оторваны от родных мест и целиком и полностью зависели от воли центральных и местных властей.

Проблема беженства в период Первой мировой войны и в первые годы советской власти довольно широко освещена в историографии последних десятилетий¹. Вопрос

¹ Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1; Белова И.Б.: 1) Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России): дис. ... д-ра ист. наук. Брянск, 2014; 2) Судьба беженцев Первой мировой войны из западных губерний Европейской России и Польши в Советской России в 1920 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 6; Гетрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999; Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8; Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Саратов, 1997. Вып. 1; Лахарева Н.В. Резэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). Курск, 2001; Силина И.Г., Щетинина А.С.

Доклады и сообщения

нашел свое отражение и в работах самарских исследователей². Объектом их изучения стали отдельные проблемы жизни беженцев в Самаре в 1914–1918 гг. Задачей же нашего исследования является не только изучение положения беженцев на территории Самарской губернии в годы Первой мировой войны, но и их судеб после Революции 1917 года.

В настоящий период вопрос вновь обретает актуальность в связи с европейским миграционным кризисом. Не теряет он свою остроту и для России в связи с беженским потоком из Украины, связанным с вооруженным конфликтом на востоке этой страны. Изучение проблем беженства в годы Первой мировой войны и первые годы Советской власти, накопленного в тот период опыта (и положительного, и отрицательного) по их решению поможет эффективнее справляться с вопросами, возникающими и в наше время.

Стихийное бегство населения с прифронтовых территорий наблюдалось с самого начала Первой мировой войны. Первоначально ситуация носила кратковременный характер: люди уходили от линии фронта на незначительные расстояния, а после окончания активных боевых действий возвращались в родные места. Но по мере успехов неприятеля беженцы начинали отходить все дальше в тыловые зоны³.

К добровольному уходу добавилось принудительное отселение. В конце 1914 – начале 1915 гг. с прифронтовых территорий Российской империи были принудительно выселены немцы-колонисты и часть евреев как представители «неблагонадежных национальностей»⁴. Уже в январе 1915 г. начальник Островского уезда Ломжинской губернии сообщил самарскому губернатору Н.В. Протасьеву о том, что в Самарскую губернию с подведомственной ему территории выселяются немецкие колонисты мужского пола старше 15 лет⁵. В марте 1915 г. в Новоузенский и Николаевский уезды были

Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005; Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 3 (20); Щеров И.П.: 1) Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000; 2) Смоленский пленбеж: создание и деятельность. Смоленск, 2000.

² Вьяльцева Е.Н. Польские беженцы в Самарской губернии в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 2. – Электрон. дан. – Самара, 2014. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=11> (дата обращения: 22.02.2017); Семенова Е.Ю.: 1) Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города в годы Первой мировой войны (по материалам Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3 (2); 2) Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

³ Курцев В.И. Указ. соч. С. 99.

⁴ Бахурин Ю.А. Вынужденные переселения из западных окраин России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.): проблемы терминологии и причин // Великая и забытая: материалы международной научно-практической конференции. Калининград, 2013. С. 84–85.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 3 .Оп. 131. Д. 212. Л. 5.

Доклады и сообщения

направлены немцы-колонисты из Привислянского края, которые в большом количестве скопились в Саратове. Самарский губернатор в специальном циркуляре разъяснил полицмейстерам и уездным исправникам, что немцы-колонисты являются русскими подданными и в случае бедственного положения имеют право на получение пособий и квартирных⁶.

Масштабный характер миграция населения приняла летом 1915 г. в ходе так называемого Великого отступления, когда русские войска оставили Галицию, Литву и Польшу. В Самарскую губернию основной поток устремился в июле 1915 г. По состоянию на 1 ноября 1915 г. в губернию было эвакуировано 110 344 чел., из них – 22 919 мужчин, 33 161 – женщин и 34 878 – детей. Больше всего людей приняли Бузулукский, Бугурусланский и Ставропольский уезды⁷. К 6 февраля 1916 г. число беженцев еще увеличилось и составило 118 370 чел.⁸, а в декабре 1916 г. – 147 272 чел.⁹

Непосредственно в Самаре на 7 октября 1915 г. проживало 7 092 чел., эвакуированных из прифронтовых областей¹⁰. К 17 февраля следующего года их число возросло уже до 35 834 чел. В большинстве своем это были женщины и дети. По национальности беженцы, осевшие в Самаре, распределялись следующим образом: русские и украинцы – 16 302 чел., поляки – 2 760 чел., литовцы – 2 135 чел., евреи – 3 347 чел., немцы – 1 578 чел., эстонцы – 42 чел.¹¹ К 1 января 1916 г. через Самару проследовало 547 543 беженцев, из них 422 068 чел. – транзитом¹². В Самару и Покровск также были эвакуированы предприятия из Риги и Минска. По оценкам Е.Ю. Семеновой, к 1916 г. доля беженцев в составе городского населения составляла около 30 %¹³.

Еще в сентябре 1914 г. был создан Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. Татьянинский комитет взял на себя поддержку населения, бежавшего с театра военных действий, он получал государственные субсидии, а также частные пожертвования¹⁴. В Самаре также было открыто его отделение.

Помимо Татьянинского комитета в столице губернии действовало множество других организаций, оказывающих помощь беженцам, в частности Городской комитет по оказанию помощи беженцам, созданный при городской думе; Комитет по устройству быта беженцев, организованный самарским духовенством; отдел Всероссийского общества

⁶ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5640. Л. 4–4 об.

⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 131. Д. 43. Л. 6.

⁸ Там же. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1396. Л. 50.

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 132. Д. 58. Л. 134.

¹⁰ Городской вестник. [Самара], 1915. 7 октября.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 43. Л. 58.

¹² Там же. Л. 62.

¹³ Семенова Е.Ю. Взаимодействие горожан и беженцев на территории тылового города... С. 441.

¹⁴ Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. С. 10–11.

Доклады и сообщения

попечения о беженцах. Работали также национальные комитеты: польский, латышский, эстонский. Национальные беженские комитеты прибалтийских народов позже объединились в один – Латышско-литовско-эстонский¹⁵. Финансировались эти организации путем сбора пожертвований, получения субсидий из бюджета, ассигнований из Татьянинского комитета. Они оказывали беженцам разнообразную помощь: занимались вопросами образования детей; устройством богаделен, приютов, яслей; поиском жилых помещений; создавали питательные пункты; оказывали бесплатную юридическую помощь; содействовали трудоустройству; организовывали досуг.

После массовой эвакуации летом 1915 г. правительством был издан закон «Об обеспечении нужд беженцев». Забота о «материальных и духовных нуждах беженцев» возлагалась на местном уровне на губернаторов, градоначальников, земские и городские управы. Вместе с тем закон не запрещал, а поощрял участие в беженском деле общественных, частных и благотворительных организаций¹⁶.

Беженский поток прибывал в губернию в основном по железной дороге. В связи с нахождением больших групп людей вблизи железнодорожных станций возникало множество проблем: организация питания прибывающих; вопросы санитарного состояния и возможность развития эпидемии; первоначальное размещение; обеспечение нужд беженцев, проходящих транзитом; и др.

На протяжении 1915 г. все вышеуказанные вопросы решались в экстренном порядке. В первую очередь властями были предприняты меры к тому, чтобы все без исключения проходящие через Самару беженцы всех национальностей имели возможность получить пищу. Активное участие в организации питания на станции Самара принимал ксендз Лапшиц, к которому в большинстве случаев первоначально обращались беженцы-католики. На вокзале, на продовольственном пункте, была образована особая столовая, где все прибывающие в Самару беженцы получали обед. За июль 1915 г. в столовой было накормлено около 10 тыс. семейств, из которых большинство проследовало далее, а некоторые, в числе более 1 тыс. чел., остались в Самаре. Обед на каждого обходился в 16,72 коп. Средства на обеспечение питания получались из сумм Татьянинского комитета¹⁷. К октябрю 1915 г. эта организация прекратила питание беженцев, проходящих через станцию Самара, и эту обязанность принял на себя Комитет по оказанию помощи беженцам, организованный при городской думе. На Вокзальной площади был оборудован питательный пункт; кроме того, беженцы получали питание в продовольственном пункте переселенческого управления, обслуживающего больных и раненых воинов. Оба пункта вместе обеспечивали приблизительно до 12 тыс. беженцев¹⁸.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 211. Л. 1.

¹⁶ Законы и распоряжения о беженцах. С. 2–6.

¹⁷ Голос Самары. [Самара], 1915. 29 июля.

¹⁸ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 48–49.

Доклады и сообщения

Большое беспокойство вызывало санитарное состояние приемных пунктов. Беженцы, прибывающие в Самару и губернию, могли быть заражены различными заболеваниями, что создавало опасность развития эпидемий. В начале августа 1915 г. санитарно-исполнительная комиссия постановила установить дежурство врачей на вокзале для медицинского осмотра прибывающих. Но вопрос не был до конца решен. 8 августа «Голос Самары» сообщал: «Дежурство врачей и до сего времени не установлено. По сообщению ксендза, принимающего активное участие в делах по оказанию помощи беженцам, по три дня врачей не приходится встречать у прибывающих поездов с беженцами»¹⁹.

По мере увеличения числа прибывающих росло количество зарегистрированных случаев холеры. Самарский областной комитет Всероссийского городского союза принимал заболевших в своих лазаретах. «Для успешной борьбы с распространением холеры недостаточно изоляции и лечения больных – важны профилактические меры. Применение таких мер в Самаре весьма важно вследствие антисанитарного состояния города и весьма важного значения его как узлового и пропускного пункта»²⁰.

В октябре 1915 г. местные газеты сообщали о довольно удручающем состоянии, которое сложилось в Самаре с санитарным обслуживанием беженцев. Врачам в приемном покое при железнодорожном вокзале приходилось оказывать помощь как заразным, так и незаразным больным, причем все это происходило в одном помещении, что создавало угрозу для распространения заболеваний. Тяжелобольные отправлялись в лечебные учреждения, а больные простудой, ангиной и даже воспалением легких оставались в вагонах или в здании пассажиров четвертого класса, так как в городе все существующие лечебные заведения были переполнены. В вагонах часто обнаруживали трупы, причем приблизительно 80 % из них приходилось на детей, которые умирали от желудочных заболеваний, кори и скарлатины²¹.

Дело обеспечения первоочередных нужд беженцев в уездах складывалось следующим образом. Предводитель дворянства Бугурусланского уезда Н. Карамзин сообщал в сентябре 1915 г. губернатору, что в уезде было организовано три врачебно-питательных пункта для беженцев: в ведении военного ведомства при станции Бугуруслан – на 2 тыс. чел., в ведении переселенческого ведомства при станции Абдулино – на 2 тыс. чел. и в ведении Татьянинского комитета при станции Бугуруслан – на 2 тыс. чел. Последняя организация предполагала открыть в уезде еще три пункта: в слободе Кинель-Черкасской, селе Абдулино и пригороде Сергиевск²².

¹⁹ Голос Самары. [Самара], 1915. 8 августа.

²⁰ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 1275. Л. 2–2 об.

²¹ Голос Самары. [Самара], 1915. 14 октября.

²² ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 1275. Л. 31–31 об.

Доклады и сообщения

Беженцы, прибывавшие на станцию Аксаково, были размещены в имении Аксаковой, в 150 саженьях от полосы отчуждения железной дороги. По состоянию на конец сентября 1915 г., врачебно-питательный пункт земством при станции оборудован не был. Пищу привозили в имение «специально назначенные и осмотренные врачом люди». Всего там находилось 140 чел., остальные были распределены по селениям²³.

Вопрос с принятием и распределением беженцев по губернии обострялся с увеличением людского потока. Начальник Самарского губернского жандармского управления М.И. Познанский сообщал в конце 1915 г.: «Сказать утвердительно, что вопрос о размещении беженцев ныне урегулирован, пока нельзя. К 9 ноября все приемные пункты в Самаре были переполнены. На станции Абдулино скопилось до 5 000 человек. Правильное размещение беженцев нарушается главным образом бессистемным возвращением в Самару поездов с беженцами, отправленных из Самары в соседние губернии»²⁴. При прибытии беженцев имели место случаи конфликтов с властями. Многие не желали оставаться в тех населенных пунктах, где их планировалось разместить. «1-го же ноября даже произошло столкновение между беженцами в числе 312 человек, прибывшими на станцию Погрузная Волго–Бугульминской железной дороги, и конно-полицейскими стражниками. Эти беженцы должны были быть распределены по Степно-Шенталинской и Тенеевской волостям. К приходу поезда было заготовлено 200 подвод, но беженцы не пожелали выйти из вагонов, заявив, что требуют отправки их на станцию Рузаевка. Никакие увещевания местного пристава не подействовали, а когда пристав хотел приступить при помощи конно-полицейской стражи к выгрузке имущества и самих беженцев, то они, подняв крик и вооружившись палками и поленьями, оказали сопротивление, ввиду чего выгрузка и была приостановлена. На место нахождения этих беженцев со стороны начальника Самарского жандармского полицейского управления железных дорог был командирован начальник отделения, а по распоряжению губернатора выезжал туда же и самарский уездный исправник. Только 14 ноября удалось беженцев распределить по указанным выше пунктам»²⁵.

Беженцы, остававшиеся на территории губернии, нуждались в жилье. Первоначально для переселенцев, прибывающих на станцию Самара, подыскивались помещения у частных владельцев. Для этого им выдавалось единовременное пособие в размере от 1 до 15 руб. на семью, в зависимости от численности и наличия трудоспособных членов²⁶. К августу городская управа оборудовала специальные помещения: в Мещанском поселке, в домах Тункина и Перова, в 4-й резервной пожарной части, в 44-м смешанном училище, в доме Федосьева и на улице Соловьиной в смешанном училище имени Столыпина. Во

²³ ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1265а. Л. 142–142 об.

²⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 48–49.

²⁵ Там же.

²⁶ Голос Самары. [Самара], 1915. 29 июля.

Доклады и сообщения

всех этих помещениях было размещено 104 семьи. На частных квартирах зарегистрировано 60 семей²⁷.

Позднее было принято решение о строительстве специальных барачков для размещения переселенцев. «Городское управление испытывает крайнее затруднение при расквартировании беженцев ввиду полного отсутствия в Самаре подходящих помещений. Используются школы, которые представилось возможным занять, а также все свободные городские помещения, и тем не менее многим беженцам не находится приюта. Городская дума, обсудив этот вопрос в заседании 12-го сего августа, признала, что при таких условиях единственным выходом из положения является устройство специальных барачков для беженцев»²⁸.

Корреспондент газеты «Волжский день» в июле 1916 г. описывал состояние барачков как крайне далекое от приемлемых условий для жизни: «Длинные бараки, без потолков, в них устроены трехъярусные нары; первый ярус служит местом для свалки всяких отходов человеческого жилья: старые сапоги, грязные лохмотья, грязные детские пеленки, тут же помойное ведро и грязная посуда. Верхний, третий ярус служит местом для сушки белья и салки убогого скарба. Средний же ярус размером 2½ на 2½ аршина служит квартирой для 4–6 человек. ...При этом все эти квартиры скорее лишь отмечены, чем огорожены, узенькой, в 3 вершка вышины доской. Таким образом, все аборигены барачков, мужчины, женщины, девушки, юноши, подростки и дети – количеством 400–500 человек спят в буквальном смысле слова вповалку»²⁹.

В уездах беженцы размещались в основном на квартирах у местного населения либо в помещениях, переоборудованных для этих целей. Квартирный вопрос для беженцев во всей губернии стоял очень остро. Все свободные помещения были заняты войсками, а домовладельцы, стараясь не упустить выгоду, повышали цены на квартиры. Общегубернский комитет по делам беженцев вышел с предложением к Самарскому губернатору об издании обязательного постановления, регулирующего квартплату³⁰.

Нетрудоспособные беженцы – женщины, дети и старики; а также трудоспособные, но безработные мужчины получали денежный паек для обеспечения пропитания и для поиска квартиры. При определении порядка обеспечения беженцев из числа немцев-колонистов прифронтовых губерний власти склонились к тому, чтобы не выдавать данной категории беженцев денежные пайки на руки, а организовывать их питание в специальных столовых³¹. На содержание 602 чел. немцев-колонистов из Привислянского

²⁷ Городской вестник. [Самара], 1915. 5 августа.

²⁸ ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1329. Л. 1–1 об.

²⁹ Волжский день. [Самара], 1916. 2 июля.

³⁰ Голос Самары. [Самара], 1915. 27 августа.

³¹ Там же.

Доклады и сообщения

края в течение полугода губернским властям требовалось 30 490 руб. 80 коп. В эту сумму входило обеспечение питания, наем жилья и покупка одежды³².

В апреле 1916 г. самарский губернатор выпустил объявление о том, что отныне продовольственную и квартирную помощь из числа беженцев, осевших в губернии, будут получать: «а) дети до 14 лет включительно, б) нетрудоспособные, в) один из трудоспособных членов семьи, вынужденный остаться при детях в целях необходимого за ними присмотра и г) принятые на сельскохозяйственные работы». Трудоспособные переселенцы, отказывающиеся от работ, должны были лишаться всякого довольствия³³.

В дальнейшем было решено дополнительно сократить расходы на содержание беженцев. Особое совещание по их устройству в июле 1916 г. сообщало губернатору, что из-за необходимости сокращения общегосударственных расходов оно постановило снять с продовольственного пайка 10 % от общего числа беженцев, размещенных в сельской местности, и 15 % размещенных в городах. «Это установлено ввиду того что острая нужда беженцев уже миновала благодаря предоставлению им возможности работать, и затем ввиду необходимости относиться к призрению беженцев разборчиво и смотреть на них не как на беженцев вообще, а как [на] нуждающихся в помощи»³⁴.

Серьезным вопросом было трудоустройство. Местная пресса отмечала, что среди беженцев, кроме рабочих-профессионалов и чернорабочих, есть немало представителей интеллигентных профессий – педагоги, конторщики, бухгалтеры, кассирши и т. п. И если рабочие устраивались на местные предприятия³⁵, а чернорабочие отправлялись на полевые работы в уезды, то отыскать работу служащим было значительно сложнее³⁶.

Самарская городская дума в июле 1915 г. организовала в составе городского комитета помощи беженцам особое бюро по трудоустройству. Бюро со страниц местных газет обращалось ко всем жителям Самары с просьбой заявить о свободных вакансиях³⁷.

Вместе с тем в первые месяцы наблюдалась рассогласованность в действиях властей в деле трудоустройства. «Беженцы, ищущие труда, направляются в городское бюро, и, не находя его, возвращаются обратно к уполномоченному по выдаче пособий. Военно-промышленный же комитет заявляет претензию, что ищущих труда не направляют к нему»³⁸. Серьезным препятствием к трудоустройству было незнание русского языка многими переселенцами из Прибалтики³⁹.

³² ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5640. Л. 50–50 об.

³³ Там же. Ф. 465. Оп. 1. Д. 2669. Л. 67.

³⁴ Волжское слово. [Самара], 1916. 22 июля.

³⁵ В частности, в Самаре труд беженцев широко использовался на Трубочном заводе. (Волжское слово. [Самара], 1916. 26 июня).

³⁶ Голос Самары. [Самара], 1915. 29 июля.

³⁷ Городской вестник. [Самара], 1915. 30 июля.

³⁸ Голос Самары. [Самара], 1915. 8 августа.

³⁹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 48. Л. 12.

Доклады и сообщения

В уездах беженцы привлекались к полевым работам. Ставропольский уездный комитет помощи беженцам весной 1916 г. выступил с призывом: «Летний заработок даст возможность справиться теплую одежду, отложить на черный день, наконец, вы можете собрать урожай, а этим удешевите все съестные припасы; между тем как отсутствие рабочих рук уменьшит сбор хлеба, травы, овощей, и жизнь сделается еще дороже, что губительно будет не только для местного населения, но вообще для всего государства и для вас самих. Пусть же все, кто в силах работать: подростки, и девушки, и женщины, не имеющие малых детей, не говоря уже о парнях и мужчинах, – пусть все горячо и дружно примутся за работу с весны. Заготовка огородов, посадка овощей, пашня полей, посев, уборка сена, жнитво и уборка хлеба, заготовка земли под озимые – мало ли работы, и все это всем даст заработок, была бы охота работать. Идите добровольно, не дожидайтесь лишения пайка!»⁴⁰ За отказ от сельскохозяйственных работ беженцы действительно лишались пайков.

По результатам сезона 1916 г., к сельскохозяйственным работам по губернии было привлечено 29 888 чел., отказались от работ – 765 чел.⁴¹ Число беженцев, привлеченных к работам, по отношению к общему числу осевших в губернии беженцев составляло примерно 20 %. Это можно объяснить тем, что в основном в губернию были эвакуированы женщины и дети.

Попечение о детях, прибывающих как с семьей, так и оставшимися сиротами, стало еще одной проблемой для местных властей. 29 августа 1915 г. в Самаре силами Татьянинского комитета открылся первый приют-ясли для детей беженцев. Он был рассчитан на 60 детей; на 1 сентября 1915 г. в нем было размещено 30 детей сирот⁴². К весне 1916 г. в Самаре было открыто еще 2 приюта. Во всех трех приютах могло находиться 205 детей от 5 до 12 лет, а от грудного до 5-летнего возраста – 30⁴³.

Дети беженцев, в силу военных обстоятельств прервавших свое обучение на родине, на основании распоряжения Министерства народного просвещения должны были приниматься во все низшие и высшие начальные училища Самары. Инспектор народных училищ Самарской губернии указывал, что в случае недостатка школьных помещений для них будут организованы занятия во вторую смену с обучением родному языку и Закону Божьему – по национальностям и вероисповеданиям каждого. Для устройства детей в учебные заведения родственники, опекуны детей либо та общественная организация, под опекой которой состоит ребенок, должны были обратиться в соответствующее учебное заведение с заявлением либо непосредственно в инспекцию народных училищ. Для преподавания родного языка и Закона Божьего среди беженцев набирался

⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1396. Л. 312.

⁴¹ Там же. Ф. 3. Оп. 132. Д. 58. Л. 134

⁴² Голос Самары. [Самара], 1915. 1 сентября.

⁴³ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 38. Л. 20–21.

Доклады и сообщения

педагогический персонал⁴⁴. В сельской местности дети беженцев, нуждающиеся в обучении, принимались в церковно-приходские и земские школы⁴⁵.

В Самаре в 1914–1916 гг. действовало более 140 учебных заведений различного уровня⁴⁶. Дети беженцев были приняты на обучение в самарские гимназии, начальные училища, церковно-приходские школы. Например, заведующая Лодзинской частной гимназией сообщала председателю комиссии Самарского отделения Татьянинского комитета, что к концу 1915 г. в ее заведении училось 26 беженцев, а через год их число возросло до 109⁴⁷. В Романовской мужской гимназии числилось в 1915 г. 36 учеников-беженцев, в 1916 г. – 29⁴⁸. Частично расходы на обучение оплачивал Татьянинский комитет. Училища открывались и при национальных комитетах беженцев, осевших в Самаре⁴⁹. Городской комитет помощи беженцам организовал школу для детей при бараках, в которых они размещались. Весной 1916 г. в ней училось более 300 детей. Помимо общеобразовательных дисциплин, в школе преподавали различные ремесла: лозоплетение, столярное и сапожное мастерство, вышивку и шитье. Дети сами выбирали классы, а в случае, если ремесло не увлекало их, могли менять род занятий⁵⁰.

Большой поток переселенцев из других губерний, часто другой национальности, со своими социокультурными традициями, был экстраординарной ситуацией для самарского общества. В первые месяцы отношение самарцев к переселенцам было благоприятным. В большинстве своем жители губернии понимали, что люди покидали родные нажитые места не по своей воле, старались оказать им помощь. Таким настроением способствовал и всеобщий патриотический подъем начала войны. В пригороде Тиинске Ставропольского уезда местная интеллигенция создала комитет по помощи беженцам, принимала участие в организации их питания и размещении⁵¹. Сами крестьяне указывали, что помощь беженцам являлась неким объединяющим фактором для местных обществ в условиях военного времени⁵².

Но постепенно ситуация начинала меняться. В конце 1915 г. начальник губернского жандармского управления полковник М.И. Познанский сообщал, что крестьяне относятся к беженцам в целом хорошо, но нередко высказывают опасения, что они могут стать

⁴⁴ Городской вестник. [Самара], 1915. 21 августа.

⁴⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29. Д. 127. Л. 55 об.

⁴⁶ Артамонова Л.М. Переводы школьников в учебные заведения Самары вследствие событий Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 2. – Электрон. дан. – Самара, 2014. С. 308. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=11> (дата обращения: 22.02.2017).

⁴⁷ ЦГАСО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

⁴⁹ Голос Самары. [Самара], 1916. 19 мая; Волжское слово. [Самара], 1916. 25 июня.

⁵⁰ Голос Самары. [Самара], 1916. 12 марта.

⁵¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29. Д. 127. Л. 55 об.

⁵² Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2054. Л. 332–332 об.

Доклады и сообщения

причиной распространения среди населения заразных болезней. В то же время сильное предубеждение вызывали беженцы-евреи. «Что же касается евреев беженцев, то к ним местное население относится враждебно. Их прибытию всецело приписывают уменьшение звонкой монеты и считают их безусловно причастными к вздорожанию предметов первой необходимости»⁵³.

В феврале 1916 г. в газете «Волжское слово» была опубликована статья «В защиту беженцев». В ней сообщалось, что «из городов и сел несутся жалобы на беженцев». По свидетельствам с мест, они отказываются от работы, а общественные организации, оказывающие им помощь, «разводят тунеядство». Жители недоумевали, почему их новые соседи готовы голодать, жить в жутких условиях, но не работать, пускай даже за мизерную плату. Автор статьи справедливо отмечал, что, по самым смелым подсчетам, трудоспособные беженцы составляют 10–12 % от общего числа, все остальные – дети, женщины и старики. Многие из них еще только приехали и заняты устройством собственного быта: поиском багажа, родственников, получением пособий и так далее. К тому же беженцы прибыли из западных губерний, где они были крепкими домохозяевами, а сейчас им предлагается идти на наемную низкооплачиваемую работу. «Наконец, необходимо же учесть все то, что пережил и переживает беженец. Он испытал на себе ужасы войны, вплоть до разгрома на его глазах его родного угла. Месячный переезд по железным дорогам, голод, холод, среди больных и умирающих, потеря своих близких, неосведомленность: живы ли они или нет, настоящая жизнь среди населения, чуждого по языку и обычаям, без всякого обеспечения на завтрашний день, без надежды на лучшее будущее – все это такие моменты, которые не могут не выбить из нормальной колеи даже и крестьянина. Ведь нельзя же, в самом деле, предположить, что все эти 118 тысяч, поселенных в Самарской губернии – у себя на родине ничего не делали и жили за счет благотворительности? Нет. Нам кажется, что, если мы учтем все указанные выше обстоятельства, то должны будем признать, что этот отказ от работы временный, что он вызван всем пережитым и настоящей обстановкой»⁵⁴.

Сами беженцы остро переживали свое состояние. В письмах родным они жаловались на местное начальство и бытовую неустроенность. «Дорогой и любезный Георгий, уведомляем, что мы теперь так крепко страдаем от врагов-начальства, которые заведуют пайком. Наш милостивый государь выдал нам паек, а они свои карманы набивают, а беженцы из голоду страдают в Самарской губернии», – писал один из беженцев, проживавший на станции Кротовка, своему родственнику в действующую армию⁵⁵.

⁵³ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 48–49.

⁵⁴ Волжское слово. [Самара], 1916. 6 февраля.

⁵⁵ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2226а. Л. 227.

Доклады и сообщения

Еще более тягостным было положение беженцев немецкого происхождения, эвакуированных в губернию. Вместе с тяготами переезда на неродную землю они приняли на себя и весь груз антинемецких настроений, распространившихся в обществе с началом Первой мировой войны. В письмах они выражали глубокое разочарование и своим положением, и отношением к себе как со стороны властей, так и со стороны местного населения. «Наш государь приписывает всю вину исключительно немцам, что война им не выигрывается, правительство упрекает государя императора в том, что немцы все передают прусаку; а это величайшая ложь: из Волыни прусак не узнал даже столько, сколько под ногтем грязи. Но есть поговорка, что, когда человеку не везет, он приписывает всю вину другому, и в России этими другими являемся сейчас мы, немцы. ...Пока нас всех еще немного кормят, но всем начиная с 15 лет отказывают, заставляя зарабатывать себе на пропитание. А где же заработать? У многих было желание зарабатывать, но, когда предлагают по 20 копеек в день, что недостаточно даже на одно пропитание, то спрашивается, чем же будешь одеваться? ...Когда в дороге заболели наши дети и мы попросили отпустить для них чаю и сахару, нам ответили: идите к Вильгельму, вашему кайзеру, он даст вам и чаю, и сахару. Сейчас мы немцы в России полное ничтожество – лучше быть животным, а не человеком»⁵⁶.

К 1 июля 1917 г. в Самарской губернии находилось 173 007 чел. беженцев. Из них 160 908 чел. состояло на учете земских и городских учреждений, 5 841 – Центрального обывательского комитета Царства Польского, 3 774 – Римско-католического благотворительного общества, 896 – Бугульминского городского комитета, 3 000 – латышских организаций, 4 426 – еврейских организаций⁵⁷.

Весной 1917 г. беженцы стали почти повсеместно активно отстаивать свои права, требуя упразднения беженских комитетов либо изменения их состава, выражая тем самым недоверие структурам, образованным при царской власти. Они хотели сами принимать участие в организации беженского дела, чтобы в какой-то мере контролировать распределение денежной и продуктовой помощи. На заседании Самарского уездного комитета Всероссийского земского союза помощи беженцам 17 апреля рассматривались многочисленные обращения с мест. В Русских Липягах беженцы отстранили от дел бывших попечителей – священника и псаломщика, а дела их передали выборным уполномоченным из своей среды. Члены попечительства села Воскресенка сами сложили с себя полномочия из-за враждебного отношения к ним опекаемых⁵⁸. Уездный комитет констатировал, что такая ситуация повлечет за собой разрушение всей системы помощи беженцам. В связи с этим комитет постановил обратиться в уездные и волостные комитеты народной власти с просьбой образовать

⁵⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 138421. Оп. 1. Д. 7. Л. 147–148.

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6078. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Ф. 820. Оп. 1. Д. 820. Л. 154–154 об.

Доклады и сообщения

новые попечительства о беженцах, в состав которых необходимо было включить представителей от беженцев и президиум волостного комитета народной власти⁵⁹.

С сентября 1917 г. сложилась критическая ситуация с финансированием попечения о беженцах. Поступление средств из центра прекратилось, а это повлекло за собой отказ в выдаче пайков. Не улучшилась ситуация и после прихода к власти большевиков. Представитель Самарского городского совета беженцев уже в 1918 г. так описывал ситуацию: «Толпы голодных и оборванных беженцев с воплями отчаянья и угрозами буквально осаждали совет беженцев, требуя немедленной помощи. Наши настоятельные письменные требования средств от центра долго были гласом вопиющего в пустыне. Напрасны были также и попытки наши обратиться за займами в счет будущих ассигнований к бывшим тогда совдепам. Наконец, не найдя никакой поддержки..., мы в конце января сего года делегировали в Петроград наших представителей за исходатайствованием сумм на пособие крайне нуждающимся беженцам. Представителям нашим удалось исходатайствовать из центра часть суммы, ассигнованной по Самарской губернии по смете. Причем, согласно присланной нам тогда из центра циркулярной телеграмме, средства эти назначались почти исключительно на школы, богадельни, приюты, оказание медицинской помощи и пр., и совершенно игнорировалась огромная часть беженцев, не принадлежащих к этой категории, из которых многие буквально умирали от голода»⁶⁰. К весне 1918 г. беженскому совету удалось получить от горисполкома лишь ничтожную сумму.

Хотя формально направление беженцев к прифронтовой зоне, а также любое передвижение в крупные города было запрещено⁶¹, с начала 1918 г. наблюдалось их самовольное движение с мест эвакуации. Это объяснялось многими причинами: отсутствием работы, дезорганизацией власти на местах, а соответственно, нерегулярной помощью переселенцам. 19 марта из Петрограда телеграфировали в Самару: «Несмотря на неоднократные распоряжения управления железной дороги о воспрещении пропуска беженцев в местности, прилегающие к фронту, последнее время из железных дорог Московского и Самарского региона ежедневно прибывают по несколько вагонов с беженцами. На 14 марта в пределах Юго-Восточной дороги имеется свыше 150 задержанных вагонов с беженцами преимущественно из Саратовской и Самарской и других восточных губерний»⁶².

20 марта 1918 г. беженский отдел Самарской губернии констатировал, что средства по смете на содержание беженцев в четвертом квартале 1917 г., которые Совет Народных Комиссаров должен был ассигновать, до сих пор не получены. Пакет, который не

⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 820. Л. 157, 157а.

⁶⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 41. Д. 1. Л. 10–11.

⁶¹ Там же. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 45. Л. 18 об.; Волжское слово. [Самара], 1918. 16 мая.

⁶² ЦГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

Доклады и сообщения

выдавался в 1917 г., решено было выдать в текущем году самым нуждающимся беженцам, но за 1918 г. паек выдаваться уже не будет из-за отсутствия денежного обеспечения. Наиболее нуждающиеся беженцы отныне будут обеспечиваться за счет средств, выделяемых местными советами депутатов. Количество тех, кто получает помощь не должно превышать 25 % от общего числа беженцев. Максимальная сумма помощи – 25 руб. на человека в месяц. Беженские отделы должны были быть организованы по схеме: сельские, волостные и уездные при соответствующих советах крестьянских депутатов. Все другие организации, оказывавшие помощь беженцам, должны быть немедленно ликвидированы. При этом беженский отдел Самарской губернии в очередной раз подчеркнул, что местным органам управления необходимо прекратить выдачу разрешений беженцам на выезд в прифронтовые области⁶³. Все это отражало общую тенденцию. В апреле Народный комиссариат внутренних дел разъяснил, что выдача пайков беженцам официально прекращена с 21 марта 1918 г. Помощь от казны имеют право получать лишь не имеющие средств к существованию нетрудоспособные беженцы: дети, старики и инвалиды. Пайков лишались и те нетрудоспособные, которые имели родственников, способных их содержать⁶⁴.

Такое отношение к беженцам со стороны новой власти с каждым днем ухудшало их положение. Практически все взрослые переводились на самообеспечение, при том, что работу найти было очень сложно. Не улучшалось и отношение к беженцам местного населения. Так, в мае 1918 г. стали приходить сообщения о том, что жители Бузулукского уезда выселяют беженцев из деревень и сел. Уездному комиссариату внутренних дел пришлось пригрозить местным советам, что возвращение беженцев будет произведено за счет местных администраций при повторных случаях их выселения⁶⁵.

8 июня 1918 г. Самара перешла под власть Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч).

В начале июля был ликвидирован беженский отдел⁶⁶. Решено было создать при восстановленной Самарской губернской земской управе особое губернское совещание по делам беженцев. В его состав должны были войти представители городов, уездных управ и всех учреждений, в компетенцию которых входило попечение о беженцах. Подчеркивалось, что задачами совещания является объединение всех усилий по обеспечению беженцев, наблюдение за соблюдением законности. Предполагалось, что помощь будет оказываться преимущественно в виде трудоустройства. При этом главным органом управления беженским делом в губернии становилось земство, через которое должна была распределяться вся государственная помощь. Национальным организациям

⁶³ ЦГАСО. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

⁶⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 8. Д. 358. Л. 34.

⁶⁵ Там же. Ф. Р-2578. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

⁶⁶ Волжский день. [Самара], 1918. 14 июля.

Доклады и сообщения

запрещалось участвовать в распределении денег от казначейства⁶⁷. Решение особого совещания и управ могли быть обжалованы губернским земским собранием. Беженские учреждения – приюты, богадельни, патронаты, больницы, амбулатории, столовые, питательные пункты – в хозяйственном отношении передавались со всем инвентарем в ведение волостных, уездных, губернских земских и городских управ. Беженские союзы с национальными организациями, оставаясь благотворительно-профессиональными организациями, предполагалось привлекать к совместной работе с местными земскими и городскими управлениями через их выборных представителей и в лице института уполномоченных и участковых попечителей⁶⁸.

Изначально такой принцип организации беженского дела был встречен с воодушевлением. Заведующий отделом социального обеспечения Самарской губернской земской управы подчеркивал в своем докладе 15 июля 1918 г.: «...Сложное и большое беженское дело могут вести только местные самоуправления через свои исполнительные органы, и тем самым дадут экономию той огромной сумме, которая теперь затрачивается казначейством на бесчисленную администрацию всевозможных беженских национальных организаций, и создадут более нормальные условия для прохождения сметных назначений в мере действительной потребности, закреплённой фактически обоснованными данными, а не гадательными предположениями тех смет и запросов, которые до сего времени предъявлялись казначейству беженскими организациями»⁶⁹. Но буквально через несколько дней иллюзии развеялись.

25 июля беженский отдел попросил Комуч ассигновать денег на текущие нужды, на что тот отказал, сославшись на то, что теперь вся забота о беженцах ложится на городские и земские управы. «В тяжелое, безвыходное почти положение поставил этот отказ губернское земское собрание Самарской губернии. ...Беженский вопрос, вообще остро стоящий в губернии, в данный момент чрезвычайно обострился. Пребывание массы людей, в большинстве чуждых нашей деревне, субсидируемых правительством, поддерживаемых русской общественностью и национальными организациями разного рода, действительно нищенствующих, но как будто живущих в достатке и праздну, – давно уже вооружило крестьян против пришельцев, но в период войны открытых протестов не делалось. Но когда народ вернулся обратно, когда сократились потребности в наемном труде и возросли затруднения в продовольственной области, когда призреваемых беженцев прекратили поддерживать в прежнем объеме, недовольство коренного самарского населения начало принимать самые резкие формы, до принудительного выселения включительно. С другой стороны, недовольны и беженцы. Голод, нужда, нерасположение жителей, наконец, влечение к родным порогам бесконечно

⁶⁷ Волжское слово. [Самара], 1918. 7 июля.

⁶⁸ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 8. Д. 358. Л. 1–2 об.

⁶⁹ Там же. Л. 3–4.

Доклады и сообщения

нервирует этих невольных изгнанников. Письма ксендзов, гминных войтов и прочие, сообщающие о незапаханных, пустующих нивах, потрясают людей, потерявших власть над собою, и толкают их на всякие крайности. "Лучше пуля в дороге, чем постылая, голодная жизнь на чужбине", – вот что кричат жены и дети беженцев, когда их уговаривают представители земства не трогаться до времени с места. ...Провоцированные, без средств, голодные беженцы забивают озлобленным потоком людей города, пристани и железнодорожные станции. ...Итак, беженцев надо до известного времени удержать на местах во что бы то ни стало. Одних уговоров для сего недостаточно... Земство Самарской губернии совершенно не может за свой счет ликвидировать задолженность прошлого. Оно вторично и настоятельно просит выдать для этой цели те 1,5 миллиона рублей, которые были на сей предмет ассигнованы, но почему-то не выданы. В противном случае земство не выдаст прошлогодних пайков, не оплатит крестьянам постоя, прекратит выдачу неимущим одежды и обуви, откажется от устройства врачебно-питательных пунктов, закроет беженские лазареты, патронаты и прочее, не восстановит добрых отношений между коренным населением и у него живущими беженцами и, утратив всякий авторитет, не наладит в нужный момент общей эвакуации беженцев»⁷⁰. Документ в полной мере иллюстрирует то положение, в котором оказались беженцы Самарской губернии к середине 1918 г.

В последующие месяцы ситуация лишь усугублялась. Земство старалось выполнять возложенные на него обязанности, приняло в свое ведение учебные заведения, склады, убежища, амбулатории, занимавшиеся помощью беженцам, организовало на станции Самара справочное бюро для беженцев, в котором они могли получить документы на отъезд. Губернское земство просило местные управы разъяснять населению, что как только у земства появятся деньги, все долги будут выплачены. Если же у беженцев совсем не было средств на пропитание, волостным земствам предписывалось помогать им за собственный счет⁷¹. Земство неоднократно обращалось с требованием к Комучу об ассигновании средств на нужды беженцев⁷², но безуспешно.

При этом возможности отъезда беженцев продолжали ограничиваться в связи с военными действиями в ходе Гражданской войны. Заведующий сызранским переселенческим подрайоном, к которому относилась Самарская губерния, в начале августа запретил движение беженцев на запад⁷³. Разрешение на проезд можно было выдавать только в случае, если получено согласие на проживание того земства, куда направляется беженец. Разъяснялось, что беженцам, самовольно покинувшим места

⁷⁰ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 8. Д. 358. Л. 13, 17

⁷¹ Там же. Д. 361. Л. 15–16.

⁷² Там же. Д. 358. Л. 38.

⁷³ Там же. Л. 6.

Доклады и сообщения

постоянной дислокации, будет отказано в государственной помощи⁷⁴. С 26 августа по 18 сентября на станции Самара скопилось 5 тыс. чел., желающих отправиться на родину⁷⁵. К тому же в Самару стали прибывать беженцы Гражданской войны, которые именовались «политическими». В вопросах организации беженского дела эта категория переселенцев быстро смешалась с теми, кто прибыл в Самару еще в годы Первой мировой войны.

В начале октября Самара вновь была занята большевиками. Еще в апреле 1918 г. была учреждена Центральная коллегия по делам пленных и беженцев «для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших до настоящего времени делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах; для руководства всеми делами, возникающими в отношении лиц перечисленных категорий в связи с окончанием войны»⁷⁶. Вскоре после освобождения Самары из-под власти Комуча была образована губернская коллегия по делам пленных и беженцев. Ее состав был утвержден на заседании Самарского губернского революционного комитета советов 23 октября 1918 г.⁷⁷

Схема организации Самарской коллегии по делам пленных и беженцев была следующей: общий (канцелярия Губпленбежа) отдел, отделы военнопленных, беженцев, хозяйственный, медико-санитарный, финансовый, культурно-просветительский, эвакуационный, статистически-правовой, комендант лагеря пленных в Самаре, располагавшегося около Трубочного завода, питательный пункт в селе Обшаровка. В ведении медико-санитарного отдела находились: амбулатория на 100 чел., три лазарета: на 50 коек, на 52 койки и на 30 коек⁷⁸. Затем были организованы уездные коллегии по делам пленных и беженцев в Бузулуке, Бугуруслане, Бугульме, Пугачеве, Мелекесе.

В ноябре – декабре 1918 г. Губпленбеж экстренно составил списки беженцев, желающих отправиться на родину, чтобы быть готовым к возобновлению эвакуации. На ноябрь 1918 г. из губернии желало выехать на постоянное место жительства 14 337 чел., из них из Самары – 12 652 чел.⁷⁹ К началу февраля 1919 г. число желающих выехать достигло уже 45 307 чел., из них из Самары – 14 582 чел.⁸⁰ На 17 апреля 1919 г. в губернии было зарегистрировано беженцев, желающих уехать: в Самаре – 16 014 чел., в Самарском уезде – 11 003 чел., в уездных пленбежах – 55 428 чел., а всего – 82 445 чел.⁸¹

⁷⁴ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 8. Д. 358. Л. 20.

⁷⁵ Там же. Л. 38.

⁷⁶ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 166–167.

⁷⁷ ЦГАСО. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

⁷⁸ Там же. Д. 3. Л. 57.

⁷⁹ Там же. Л. 30.

⁸⁰ Там же. Оп. 6. Д. 35. Л. 1.

⁸¹ Там же. Оп. 5. Д. 4. Л. 8.

Доклады и сообщения

Но надежды беженцев на скорое возвращение домой остались нереализованными. В октябре 1918 г. была частично приостановлена эвакуация беженцев вследствие закрытия границы с Германией⁸². Посадку в вагоны беженцев предлагалось осуществлять только при наличии у них разрешения от Центрпленбежа или местных коллегий по делам пленных и беженцев не ниже уездных либо от германских властей⁸³. Приказом Центрпленбежа от 16 ноября 1918 г. было запрещено любое передвижение беженцев по направлению к демаркационной линии, в частности к городам Курску, Орлу, Брянску, Москве, Петрограду, Смоленску, – без специального разрешения⁸⁴.

Как следствие, в январе 1919 г. губернские власти строго предписывали не выдавать беженцам в уездах каких-либо удостоверений на проезд и не отправлять их в ведомство Губпленбежа⁸⁵. До лета 1919 г. такая ситуация сохранялась. Центральные власти и Губпленбеж постоянно запрещали передвижение беженцев и их эвакуацию на родину⁸⁶. И хотя с 1 апреля по 1 октября 1919 г. Губпленбежем формально было выдано 807 удостоверений для отправки беженцев на родину, сама отправка не производилась⁸⁷.

Связано это было со многими причинами. РСФСР в 1918–1921 гг. вела войну по многим фронтам, в том числе с Польшей, прибалтийскими государствами, Украиной. Как раз родом с этих территорий и происходило большинство беженцев, осевших в Самарской губернии. На территории самой РСФСР шла гражданская война. Все это создавало непреодолимые препятствия (в частности, транспортные) для эвакуации беженцев. Несмотря на это, беженцы самовольно оставляли места дислокации в губернии и нелегально отправлялись на родину⁸⁸.

Этому содействовало и продолжающееся ухудшаться отношение к беженцам местного населения. Самарский губисполком требовал от органов власти на местах строгого соблюдения декрета Совнаркома от 22 июля 1918 г. об уравнивании беженцев в правах с остальным населением, указывал на необходимость проведения разъяснительной работы среди граждан, которые «относятся к пострадавшему люду враждебно, отказывая им во всем необходимом для существования»⁸⁹. Самарский Губпленбеж категорически предписывал волостным и сельским советам «не останавливаться ни перед чем, выполняя следующее: 1) не допускать выселения из квартир как целых семейств, так и отдельных лиц; 2) особенно нуждающиеся семьи освобождать от платы, если последние живут на

⁸² ЦГАСО. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁸³ Там же. Л. 21.

⁸⁴ Там же. Л. 71.

⁸⁵ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 190.

⁸⁶ Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 35; Д. 4. Л. 5; Д. 2. Л. 190, 291.

⁸⁷ Там же. Д. 6. Л. 355–361.

⁸⁸ Там же. Д. 4. Л. 34; Д. 6. Л. 35.

⁸⁹ Там же. Д. 4. Л. 253.

Доклады и сообщения

квартирах обеспеченных граждан; 3) продуктами продовольствия и другими товарами первой необходимости удовлетворять наряду с местным населением»⁹⁰.

При этом само государство оказывало беженцам крайне незначительную материальную поддержку. Так, правом на денежную помощь по-прежнему обладали только нетрудоспособные, причем в каждом случае решение принималось отдельно, после проведения обследования⁹¹. Денежное пособие выдавалось лишь в исключительных случаях в виде единовременного пособия. Размер выплаты не должен был превышать 50 руб.⁹² Основная помощь должна была оказываться в виде трудоустройства. Отказавшиеся от нее лишались права на денежную и продуктовую помощь⁹³.

В Самаре беженцы, ожидающие отправку на родину, проживали в лагере для военнопленных около Трубочного завода. На 12 июня 1919 г. там находилось 2 920 чел. Кроме того, в убежищах в городе проживало 4 494 чел. Хозяйственным отделом Губпленбежа было принято решение о выделении посевного материала и земли для организации выращивания овощей в целях пропитания беженцев и пленных в лагере. Также предполагалось оборудовать лазарет на 200 мест, так как большое скопление людей в лагере создавало угрозу распространения инфекционных заболеваний⁹⁴. С беженцами велась и культурно-просветительская работа. Им раздавались газеты и литература, устраивались митинги и спектакли, читались лекции на политические темы: «Что дала трудовому народу Октябрьская революция и Советская власть и что хочет Колчак», «Аграрный вопрос и земельная политика», «Великая империалистическая война», «Текущий момент» и т. п.⁹⁵

В июне критическая ситуация сложилась в Бузулуке. Уездная коллегия по делам пленных и беженцев сообщала, что в последнее время через Бузулук хлынула волна беженцев, которые в соответствии с директивами губернских властей были задержаны вблизи станции. Часть были задержаны сотрудниками ведомства на близлежащих станциях. Беженцев расселяли где придется: в лагере военнопленных, в казармах, в амбарах, на винных складах. Хотя питательные пункты и были организованы, не везде была возможность обеспечить всех горячим питанием, поэтому продукты выдавались натурой. Уездный пленбеж пытался отправить людей на работы вглубь уезда, но они наотрез отказывались. «...Уверенность беженцев, что их расселение по хуторам отвлечет время переселения их на родину и что неповиновение ускорит это время, ставит впереди

⁹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-2885. Оп. 5. Д. 4. Л. 3.

⁹¹ Там же. Д. 2. Л. 86.

⁹² Там же. Д. 4. Л. 253.

⁹³ Там же. Л. 255.

⁹⁴ Там же. Д. 6. Л. 175–176.

⁹⁵ Там же. Д. 4. Л. 60.

Доклады и сообщения

угрозу, могущую разразиться в катастрофу. Единственный выход – расселение беженцев по волостям. С сего числа решено лишить всех беженцев продуктов и карточек»⁹⁶.

25 июня Центропланбеж двумя приказами запретил отправку на родину поляков-железнодорожников, а также указал, что эвакуации подлежат лишь беженцы непризывного возраста. Все остальные должны быть задержаны до последующих распоряжений⁹⁷.

Ситуация начинает незначительно меняться с 1920 г. В июне были заключены договоры о реэвакуации беженцев с Латвией (12 июня 1920 г.) и Литвой (30 июня 1920 г.), ратифицирован мирный договор с Эстонией. За весь 1920 г. Самарским управлением было отправлено организованным порядком на родину 3 780 чел. С 1 января по 1 апреля 1921 г. – еще 522 чел.⁹⁸

В 1921 г. в Поволжье начался голод, охвативший и Самарскую губернию. Беженцам пришлось на себе испытать все невзгоды, с которыми столкнулось население Поволжских губерний. Уже в мае 1921 г. 450 чел. беженцев, проживающих в селе Березово, обратились к властям с требованием отправки на родину. Они жаловались на совершенное отсутствие хлеба. «Неполучение такового грозит голодной смертью всем беженцам. Сделайте скорейшее распоряжение об отправке нас на родину и выдайте хлеба»⁹⁹.

На 1 июля 1921 г. в губернии находилось 90 372 беженца как Первой мировой, так и Гражданской войн¹⁰⁰. В июле их партиями начали отправлять на родину. С 1 по 10 июля из Самарской губернии по нарядам из Центра и Губэвака было отправлено 5 837 чел., подготовлено к отправке – около 3 000 чел.¹⁰¹ Но огромная часть беженцев выезжала за пределы губернии без документов – как по железной дороге, так и пользуясь гужевым транспортом¹⁰². Беженцы прибывали на станции, скапливались там, тем самым тормозили работу по реэвакуации. Несомненно, большой процент беженцев просто сбежали из Самарского региона, не получая на то официального разрешения¹⁰³.

После окончания голода реэвакуация оставшихся беженцев производилась в плановом порядке. Официальной датой окончания массового перемещения беженцев Первой мировой войны по территории России можно считать 5 мая 1925 г., когда НКВД был издан приказ об окончании их репатриации. Не выехавшие до этого времени

⁹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-2885. Оп. 5. Д. 4. Л. 35.

⁹⁷ Там же. Д. 2. Л. 191, 192.

⁹⁸ Там же. Оп. 19. Д. 5.

⁹⁹ Там же. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 371а. Л. 26.

¹⁰⁰ Там же. Л. 48.

¹⁰¹ Там же. Л. 47.

¹⁰² Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. С. 350.

¹⁰³ Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Сборник документов. Самара, 2014. Т. 1. С. 20.

Доклады и сообщения

объявлялись советскими гражданами и могли возвратиться на родину только за собственный счет.

Судьба беженцев Первой мировой войны во многом трагична. В Самарскую губернию они стали массово приезжать летом 1915 г. К весне 1917 г. их количество достигло почти 200 тыс. чел. Действия властей и общественности в деле обеспечения нужд беженцев в дореволюционный период можно оценить как относительно успешные. Было налажено снабжение, выплата пособий, обучение детей, беженцы разместились по квартирам, людям была предоставлена работа. Хотя не обошлось без проблем, особенно в отношении санитарной ситуации. Достаточно благожелательным в первое время было отношение к беженцам и местного населения.

Но постепенно ситуация стала меняться в худшую сторону. Особенно резко положение беженцев Первой мировой войны обострилось после Революции 1917 года. Они остались фактически предоставлены сами себе, наедине с местным населением, чье благожелательное отношение в связи с нарастающими проблемами становилось к чужакам все более враждебным. И Временному правительству, и Комучу, и Советской власти необходимо было решать в первую очередь другие задачи: удерживать свое собственное положение, бороться с экономическим кризисом, организовывать жизнь согласно новым принципам. Ситуацию усугубляла гражданская война, а также отделение от Советской России территорий, с которых была эвакуирована большая часть беженцев. С прибалтийскими странами, с Западной Украиной и Польшей Советская Россия также вела военные действия. До подписания мирных договоров централизованная реэвакуация была невозможна. Советская власть также искусственно ограничивала возвращение на родину жителей этих территорий, так как, для того чтобы остаться в статусе беженца, было необходимо заявить о намерении сохранить гражданство стран Прибалтики, Польши или Украины. В случае отсутствия официального заявления беженцы становились гражданами Советской России и теряли возможность в будущем быть эвакуированными за счет государства. Выезд квалифицированных специалистов был прямо запрещен. Централизованная реэвакуация фактически не велась вплоть до 1920 г. С этого момента беженцы отправлялись на родину лишь ограниченными партиями. При этом вопросы материального обеспечения беженцев повсеместно перекладывались на местные органы власти, а экономическая ситуация в губернии оставляла желать лучшего. Материальной помощи были лишены все категории беженцев, кроме нетрудоспособных. Работу найти было сложно, так как и среди местного населения было множество безработных. В 1921 г. ситуация еще более усугубилась с началом голода. Эти причины породили явление массового самовольного ухода беженцев Первой мировой войны с территории губернии. По нашим оценкам, более 90 тыс. беженцев покинули регион самостоятельно, без каких-либо санкций со стороны властей. После окончания голода

Доклады и сообщения

централизованная реэвакуация возобновилась, но, видимо, большинство переселенцев покинули губернию самостоятельно.

Если в годы Первой мировой войны губернские власти справились с наплывом беженцев, наладили их обеспечение и трудоустройство, то после Революции 1917 года политику по отношению к беженскому населению можно назвать провальной. Причем это утверждение применимо как к действиям Временного правительства, так и к Комучу и к Советской власти. Центральная власть, запрещая реэвакуацию, возложила на местные органы управления всю ответственность в деле обеспечения беженцев. В губернии же не было ресурсов для поддержания даже того невысокого уровня в деле призрения беженцев, которого удалось достигнуть до Революции. Естественным итогом стало самовольное бегство населения.